

Опера-серия.

В комнате было тепло, пахло свежесваренным рисом. Вечер казался самым обычным, если не брать во внимание туго стянутые руки и ноги. Яба покусывал кожицу на губах. Он потерял счёт времени с тех пор как попал сюда. В убогой комнате без телевизора и телефона, не нашлось даже часов.

Иногда Чжан Се Джун развязывал его и массировал затёкшие конечности. В такие моменты Яба пробовал сбежать, но каждая попытка оборачивалась неудачей и ещё более строгим надзором. Но даже освободившись от пут, перед силой Се Джуна Яба оставался беспомощным. В таком состоянии побег представлялся абсолютно нереальным.

Два дня подряд он орал до хрипоты, пытаясь ранить своего противника, однако тот лишь слегка хмурил брови, и, судя по всему, не получил даже мигрени. Видимо, вскрытые головы бандитов, были галлюцинацией, вызванной препаратом.

Тогда, кто Яба такой? Аглао... или как его? ... Им был Яба?

Мучной червь прорезался из-под кожи и извивался, прилипнув к изолянту на лодыжке Ябы. Без своего главного истребителя Ча И Сока насекомые осмелели. Яба слизнул червя языком. Когда клыки надавили на брюшко, оно лопнуло с тихим хлопком. Юношу замутило.

- Гадость.

Он принялся яростно вытирать язык о своё колено, заглушая рвотный рефлекс. Ча И Сок, который мог поглощать такую мерзость, не шевельнув бровью, вызывал восхищение. Но вспоминая исступлённые поцелуи, когда язык проникал до самого пищевода, Яба осознавал насколько же крепкий желудок и у него самого.

Белый свитер, стал грязным. Запах Ча И Сока постепенно выветривался, от чего нарастало беспокойство.

На блюде, которое принёс Се Джун лежало то, что когда-то жило внутри Ябы. Гора мёртвых червей. Его рвало с такой силой, что казалось вывернет наизнанку. Хотя страдал Яба, лицо мученика было у Се Джуна. Он круглосуточно находился рядом, полностью вжившись в роль заботливого опекуна. Демонстрировал преданность, соглашаясь на любую просьбу - но только не освобождение.

Как только Яба от позывов сходить по нужде поджимал бёдра, Се Джун мгновенно настораживался.

- Хочешь в туалет? - озабоченно спросил он.

Знакомство с «урезанным достоинством» Ябы пробудило у Се Джуна стойкий интерес к вопросам туалета. В ванной, слишком тесной для двух взрослых человек, он прижался к Ябе со спины и спустил его брюки. Его наглые пальцы начали разминать вялый член, пытаясь стимулировать мочеиспускание.

- Не выходит?

Он упёрся подбородком в плечо своего пленника и заглянул вниз, где беспомощно сморщились гениталии Ябы. Се Джун был постоянно чем-то занят и его переносицу всегда усеивали невесомые капельки пота.

За годы садового насилия над деревесиной, кожа Се Джуна приобрела естественный медный оттенок. Такого не добиться в солярии. Только сейчас Яба заметил какие длинные у брата ресницы. Он видел, как они дрожат.

- Когда Се Джин так смотрит.... Я не знаю, как мне быть...

Се Джун потёрся подбородком о щеку брата.

- Почему у Се Джина не растёт борода? А мне надо бриться каждое утро...

- Если я тебе спую, отпустишь меня?

- Хочу, чтобы Се Джин все время говорил... Как и раньше, его голос такой красивый..

Яба бросил на Се Джуна грозный взгляд.

- Мой голос?! Настроили в мастерской «дядюшки Ляо». Если мерзкий сутенёр отрежет тебе яйца, ты тоже соловьём запоёшь! И не дыши мне в ухо – волосы шевелятся.

Лицо страдальца с тоской в глазах пробивало броню бдительности сильнее, чем любой снаряд. Се Джун медленно прикусил мочку уха и прижался мускулистыми бедрами к ягодицам Ябы. Тот принялся ожесточенно сопротивляться и в пылу борьбы рубашка Се Джуна распахнулась. Увидев оголённый торс брата, Яба замер. Тело покрывали рубцы от порки от ножевых ранений. Эти отметины жестокости было невозможно не узнать.

- Учителя показывали мне, какие вопросы нельзя задавать, – сказал Чжан Се Джун. – Объясняли, пока я не понял.

Взгляд неотрывно скользил по следам издевательств, цепляясь за каждый шрам, оставшийся на коже до конца жизни.

Яба слышал, что когда-то брат ненадолго попал в специальное учреждение. Видимо всё происходило именно там. В присутствии своих благодетелей Чжан Се Джун превращался в тихого агнца, настолько безропотного, что это угнетало. Разбитая психика, изувеченное тело – от такого сходства хотелось завывать. Уловив перемену в лице напротив, Се Джун впал в странное оцепенение.

- Всё хорошо. Не грусти... – произнёс он.

Сжав кулак, Яба отвёл глаза.

- Пожалуйста, спой...

С того момента, как Се Джун услышал его пение, он не переставал ныть и выпрашивать повтора. Домогательства становились всё настойчивее.

Яба опустил веки.

- Если я спою, ты отпустишь?

Ответа не последовало. Как же сейчас хотелось вцепиться в Ча И Сока и рыдать у него на груди. Голова закружилась и Яба упал на одеяло.

Ни приставания Се Джуна, ни ножевое ранение Ча И Сока больше не беспокоили его мысли. Единственное, что сейчас волновало, – каким голосом и с каким выражением лица Кокаин пел директору Ча. Антidepressанты стали нужнее еды.

- Найди мне таблетки... синие, овальные... – раздался голос, приглушённый одеялом.

- Где?.. Где болит?..

Се Джун в спешке выгреб из кухонного шкафа все имеющиеся лекарства. Похожие по форме таблетки отличались по вкусу, а те, что совпадали по вкусу, имели другую форму. Даже когда и цвет, и вкус оказывались одинаковыми, желаемого облегчения не наступало. Этого следовало ожидать. Только Ча И Сок мог достать нужное средство.

- Нет. Нужны синие овальные, со вкусом яблока. От них... становится хорошо.

- А название у них есть?..

- Какое-то есть.

- Они правда помогут?..

- С ними забудешь, где голова, а где - ноги.

- Бегу.

Не раздумывая ни секунды, Се Джун вскочил с места, но у самой двери вдруг застыл.

- Может...я схожу за ними... в другой раз?..

- Почему?

- Когда я вернусь... кажется, Се Джина уже не будет...

Яба разомкнул веки.

- На самом деле я - всего лишь призрак. Иллюзия, созданная тобой. Моргнёшь - и меня уже нет. Хотел тебе это сказать, пока ты жив.

Лицо Се Джуна исказилось от ужаса, в его глазах заблестели слёзы, готовые хлынуть в любую секунду.

- Это шутка.

Яба уронил голову на подушку, и искоса взглянул на брата снизу вверх. Свитер сполз с плеча, но он даже не шевельнулся, чтобы поправить его.

- Принеси таблетки. Голова раскалывается, я умираю...

-

- ... брат.

На лице Се Джуна застыл изумление человека, поражённого стрелой в сердце. Яба, томно приоткрыв глаза, смотрел на него с видом уставшего хищника.

- Брат, так больно.

Чжан Се Джун силой сжал кулаки, напряженные вены проступили сквозь кожу. Его шея

покраснела.

- Ты не уйдешь?.. Обещаешь?..

Он ещё раз плотно обмотал руки и ноги своего пленника изолентой. Наклонился и поцеловал Ябу в губы, а затем исчез за дверью. Вскоре эхо его шагов в переулке стихло. Опираясь на стену, Яба поднялся на ноги. Он попытался толкнуть входную дверь плечом, но она не поддавалась. Похоже, её заперли снаружи и подпёрли тяжёлым камнем. Эта игра в "защитника" и заточение - повторяла то, что он сам делал в детстве. Накрывал ли Се Джуна такой же удушливый страх в те моменты?

Яба осмотрел стальную дверь со вставкой из матового стекла. Он сжал челюсти и ударил в него головой. Со звонким хрустом осколки взлетели и рассыпались по свитеру. Усевшись на пол со скрещенными за спиной руками, он подобрал один осколок. Неловкими, но решительными движениями он принялся им работать, не замечая, как острый край режет его кожу. После нескольких мучительных попыток лента наконец треснула, и он, извиваясь, разорвал остатки. Тело, долгое время лишённое движения, не сразу повиновалось, и юноша тяжело осел на пол. Один кусок стекла он осторожно положил в карман. Поднявшись, Яба пролез через проём и выпрыгнул в ночь. Высота открыла взору захватывающую панораму города - необъятное море огней простираясь до самого горизонта, сливалось со звездным небом.

Яба бросился вдоль переулка, но голова самопроизвольно обернулась. Холодный ветер хлопал дверью, а свет льющийся из дома вытягивался на улицу длинной полосой. Он чувствовал себя матерью, которая заманила ребёнка на ярмарку, чтобы всучить ему облако сахарной ваты и сбежать, бросив его одного.

Это всё из-за проклятых щенячих глаз, из-за дикого диссонанса между внешностью и настоящей сутью. Возможно, Се Джун на это и рассчитывал? Нет, скорее всего Яба его переоценил.

Отбросив сомнения он побежал вперёд, не оглядываясь.

От одной мысли, что Чжан Се Джун может его догнать, его охватывала дрожь. Нужно спрятаться в первом попавшемся доме и связаться с полицией. Полиция... А что потом? Се Джуна посадят за похищение. Но ему нужна не тюрьма, а лечение. Возможно, если на суде Яба обнаружит факт их родства, это смягчит приговор. Возникает вопрос: прислушаются ли к человеку, юридически не существующему.

«К чёрту полицию, лучше поймать такси и выбраться отсюда».

Это был последний жест матери, бросившей ребёнка ради своего спасения.

На другой стороне улицы в дали мерцал свет. И так, в квартале осталось только два жилых

дома.

Если постучаться к глухой старушке, то придется кричать ей в уши, а она начнет переспрашивать, махать руками – и всё равно не поймёт ни слова. Трата времени. А если там её труп? Тогда это добавит головной боли. Яба знал, как заканчивают голодающие старики, забытые своими детьми: либо пустой желудок, либо полные лёгкие газа из-за утечки. Сунься туда – и проблем не оберёшься.

Оставался алкоголик. Деньги на такси? Если они у него и были, то он их пропил. И вообще, человек с деньгами не поселится в такой дыре. Что если он в белой горячке примет Ябу за вора и нападёт с ножом? Яба испугался. Всё же лучше оказаться под подозрением в убийстве бабушки, чем погибнуть от руки пьяницы.

Молясь о том, чтобы в доме оказалась глухая старуха, он побежал вперёд. Но из-за нескольких дней голодания силы быстро покинули его. Переулок, усыпанный угольной крошкой и обломками фанеры, тянулся бесконечно. По этой самой дороге десять лет назад он бежал за Се Джунгом, а сейчас спасался от него.

Когда он завернул во двор дома, вокруг царил мёртвая тишина. Спину обдало прохладно волной и чья-то рука обхватила его за талию. В ухо ударило прерывистое дыхание.

- Мы же договаривались! Се Джин обещал не убегать, а я поверил ему...

- Когда-то и ты пообещал, а сам убежал!

- Поэтому сейчас я стараюсь заслужить прощение Се Джина...

В безумных глазах Се Джуна читалась готовность пустить в ход своё оружие. Видимо, он повернул назад на полпути. Он уже не был ребёнком, которого можно обмануть. Яба хотел бросить его, как непутёвая мать, но успел сделать лишь пару шагов, прежде чем железная хватка снова сдавила горло.

Отчаянные попытки Ябы отбиться не помогли, Се Джун без церемоний закинул его себе на плечо.

- Уедем отсюда... Это место причиняет Се Джину боль.

- Я не держу на тебя зла. Когда я был ребёнком, ты совал свой член мне в рот, даже тогда я не мог тебя ненавидеть. У меня нет сил, оставь меня в покое.

Свисая вниз головой, он яростно колотил Се Джуна по спине. Тот оказался прав: кричи-не кричи, никто не поможет. Их дом стоял в конце дороги. Жестокость, которую испытал Чжан Се Джун, уходила корнями в дни его детства. Мать не научила его, как жить в этом мире. Тому,

что за нанесение вреда другим постигнет наказание небес, а влечение к брату – аморально. Окружающие не видели в ней мать и называли «гулящей». Возможно, пытаясь заглушить собственные муки, она истязала ребёнка, прижигая его ноги сигаретами. Всё это превратило Се Джуна в убийцу.

Когда он свернул за угол, взгляд, перевернутый и нечёткий, уловил движение – едва различимое скопление теней. Яба не понимал, куда они находятся, то ли сквозная дорога, то ли тупик. Из мрака появился мужчина в элегантном костюме, с туго перебинтованными кистями рук и обрезом на боку. Он явно не вписывался в облик этого района.

Топ. Топ. В тихом переулке раскаты шагов прозвучали совсем рядом. Мужчина приблизился. Фронтальный удар ногой отправил Се Джуна на три метра назад и он рухнул на землю, увлекая за собой свою ношу. Четверо парней придавили плечи Се Джуна к полу дубинками, а затем кто-то грубо поднял Ябу на ноги. Он молча уставился на скорпиона, обвинившего шею мужчины напротив. Чёрный хвост шевелился, о чём-то предупреждая.

– Я и представить себе не мог, что рядом ещё один целитель. Надеюсь, ты не утаил бы это умышленно.

Яба оттолкнул руку Ги Ха. Колени дрожали. Он поднял глаза на Кокаина, который стоял у босса за спиной, и наконец-то задал вопрос, который так долго терзал его:

– Что с Ча И Соком?

«Ты пел ему своим красивым ртом? Сделал ли всё, что мог?»

– Я тебя спрашиваю, что с ним?

«Ночевал ли ты у него? Вы прикасались друг к другу?»

Кокаин опустил глаза. В висках у Ябы застучало. Так и хотелось растереть это благородное лицо по бетону. И тут Яба понял: это месть, которая копилась десять лет.

– Скоро эти трущобы сравняют с землёй. Как удачно, здесь собрались все отбросы. Ну, теперь мы в расчёте.

Кокаин наконец заговорил:

– Дело не в счётах. Ты ведь страдаешь, рядом с Се Джуном?

– Если ты не полный идиот, то понимаешь, где источник страданий.

- Как ни крути, нам не вырваться.

Кокаин никогда не знал себе равных. Яба искренне верил: стоит Кокаину исчезнуть – и он вернёт всё, что когда-то украли. Он цеплялся за эту мысль, питаясь своей глупой злобой. Но теперь пришло осознание, что они стоят на одном уровне, а Кокаин этого не терпел.

- Всё ещё думаешь, что чище меня? Я – мерзкий стукач, но у тебя, конечно, благие мотивы! Только, твой «подвиг» ничтожен. Я это сделал десять лет назад.

Яба изо всех сил ударил Кокаина в лицо, собрав все остатки злости и боли. Кокаин упал на землю, схватившись за ушибленную челюсть. Его глаза, полные унижения, всё равно пылали холодной красотой. Се Джун избитый до неузнаваемости, по-прежнему источал ауру палача.

Тогда, в прошлом, Яба не знал, что даже кровные узы не защищают от предательства. И не предполагал, что сострадание к «другу по несчастью» может перерасти в ненависть.

- На этом, я прощаю вас обоих.

Десять лет Кокаин подавлял его молчанием, но сейчас Яба решил, что одного удара достаточно, чтобы простить. Неумелый в холодном расчете, он не мог годами планировать месть. Но его самого кто-нибудь простит?

- О прошлом поговорим потом, – вмешался Ги Ха и присел на корточки перед Се Джуном. Забинтованной ладонью он слегка шлёпнул его по щеке.

- Так, этот недоносок лишил меня пальцев. Таковую обиду я простить не могу.

Кокаин застыл.

- Это я заставил его сделать. Не трогайте Се Джуна.

- Если ты готов отдать свои пальцы вместо него, я, может быть, подумаю.

Глядя на умолкнувшего Кокаина, босс довольно усмехнулся. Всё произошло быстро. Кан Ги Ха сжал рукоятки болтореза, и стальные губцы мгновенно отделили мизинец Се Джуна от кисти. Бандитам пришлось сильнее вдавить колени ему в спину, когда он начал извиваться от боли. Кокаин зажмурился, его тело конвульсивно передёрнулось.

Хромированные резцы блеснули у основания безымянного пальца. И вдруг что-то сжалось внутри, к горлу подкатил ком.

- Нет!!!

Стёкла в окнах соседних домов задребезжали. Кан Ги Ха дёрнул плечом и обернулся. Потрясённый Се Джун заморгал.

Два демона жизни Ябы предстали перед ним: один искалечил душу, другой - тело. Какая зловещая гармония. Но ненавидел Яба по-разному. Общая кровь не давала ненависти выжечь всё до тла. Сегодня он переступит и через это. Дрожа от злости, Яба процедил сквозь зубы:

- Не смей, сука!

Кан Ги Ха, казалось, расслабился и пробормотал что-то себе под нос.

- Да, похоже на правду. Этому парню нужен экстремальный стресс, чтобы вызвать силу. Морфия с собой нет, поэтому заткните ему рот поплотнее.

Бандиты закрыли Ябе рот. Ги Ха махнул Кокаину. Тот подошёл, но остановился на расстоянии. Теперь он смотрел на Ябу так же настороженно, как раньше все смотрели на него.

- Ты, часом, с ним не трахнулся? - бросил босс Ябе и кивнул в сторону Се Джуна.

Значит, Кокаин не рассказал, что он они братья. Кан Ги Ха снова зажал безымянный палец Се Джуна болторезом. Лезвия сомкнулись на мозолистой фаланге.

«Нет!..» - глухой крик оборвала рука, сдавившая челюсти Ябы.

Именно в этот момент раздался топот и раздражённые голоса:

- Какого чёрта, негде даже припарковаться! Это где-то здесь. Обыщите каждый угол!

Взгляды устремились в конец переулка. Из темноты вышла группа мужчин с ножами и железными трубами. В центре толпы шагал Ча Мён Хван. Его ворчание оборвалось на полуслове. Даже в потёмках было видно, как дрожат его губы.

- Жулик!.. Это ты!..

-... .

- Ты живой!.. Где ты скрывался всё это время?!. Знаешь?.. Сколько я из-за тебя пережил!..

Брови Ябы невольно сдвинулись. Он никак не ожидал встретить здесь Ча Мён Хвана. Пламя гнева в голове вдруг улеглось, оставив после себя лишь курящийся дымок:

- А ты откуда взялся?

Мён Хван в два шага оказался около Ябы и порывисто взял за плечо. Но тут же Ги Ха оттолкнул его руку. Бандиты босса и охранники Мён Хвана синхронно напряглись в боевой стойке, стоя против стаи, как отражения друг друга. Руки крепче сжались на рукоятях и трубах. Ча Мён Хван поднял бровь.

- Ты кто такой? - вызывающе сказал он.

- Если вам нужен мой человек, следует спросить у меня разрешения, господин Ча, - подчёркнуто учтиво произнёс Кан Ги Ха.

- Так ты тот самый босс. Перед тобой важный клиент, так почему ты как положено не лижешь ему ботинки?

- Господин Ча, вас еле откачали, а вы уже готовы сдохнуть на помойке? Кокаин заплачет от такой неблагодарности.

- А ну повтори, мудила! Я зарюю тебя так, что черви не доберутся.

Ча Мён Хван оттолкнул босса и снова взял Ябу за плечо. Кан Ги Ха тут же перехватил и вывернул его руку. Не успел Ча Мён Хван опомниться, как уже лежал плашмя, словно прихлопнутый лягушонок. Его охранник швырнул Кана Ги Ха на землю. Быстро восстановив равновесие, босс направил кулак в челюсть своего противника. В этот миг всё пришло в движение. Без лишних слов.

- Перебейте всех!

- Мрази!

Таковы первые аккорды симфонии насилия. Ночь задрожала от гвалта и топота. Потасовка обернулась бойней, и в калейдоскопе мелькающих кулаков и ножей стало понятно: победителей не будет - только выжившие. Се Джун, которого до этого прижимал коленом один из бандитов, собрал последние силы и пнул его в живот. Потом он исчез в переулке, а когда вернулся, держал в руках своё неизменное оружие. Как только пальцы сжались, его взгляд стал холодным и жестоким. Длинные лезвия пустились резать руки и лица бандитов. Даже превосходя числом они начинали терять уверенность, отступая перед безжалостной решимостью.

Пробив окружение бандитов, Се Джун освободил Кокаина. Он оглянулся на брата со слезами в

глазах и нырнул в темноту с Кокином под мышкой. Такие жесты приближали Се Джуна к милости его богоподобного хозяина. За ним устремилась группа мужчин. Раздался грохот и хриплые проклятия.

Квартал, обречённый на снос, дышал пылью и смертью – под ногами хрустели бетонные осколки, ржавая арматура цеплялась за подошвы.

Ча Мён Хван, до этого момента лежавший в пыли, вскочил, вцепился в Ябу и, увлекая его за собой, рванул в темноту.

- Задержите их! Выродки! – кричал он своим людям. – Не представляешь, в каком шоке я был, когда узнал, что ты жив. Почему не позвонил?

Он вздрагивал от испуга и торопил своих охранников, будто весь мир вертелся вокруг него.

- Зачем мне тебе звонить?

- Как, зачем? Ладно, в любом случае, когда свалим отсюда, ты от меня не отделаешься! Держись рядом.

- Тебя пальцем ткни – и ты отключишься. Какое ещё «держись»?!

- Не дерзи. Просто, я ещё не оправился... Эй вы, хоть знаете кого тронули?!.

Головорезы Кана Ги Ха их настигли. Ча Мён Хван даже не успел охнуть, когда его швырнули о бетонный выступ, острый край вошел в живот. Телохранители были заняты его защитой и могли лишь отбиваться.

- Уводите его! – рявкнул один из них.

- Вы идиоты?! Я вам ясно сказал – сначала займитесь Жуликом, а не мной! И где теперь этот говнюк?!

Ча Мён Хван, окруженный своими людьми, вырвался из лабиринта переулков и укрылся в тихом месте. Здесь он принялся беспощадно пинать своих охранников по лодыжкам.

- Какого хрена вы творите! Найти его любой ценой, если упустите, ноги вам переломаю!

Один из мужчин остался для защиты Ча Мёна Хвана, второй помчался обратно. Руки Ча Мёна Хвана, которые совсем недавно коснулись жулика, продолжали дрожать. Получив сообщение, он задействовал все свои каналы и быстро собрал подготовленных людей. Привёл всех сюда,

всё ещё сомневаясь, но теперь убедился сам: жулик был жив. Жив!

Неопрятный вид и измученное лицо говорили о том, что юноша прошёл через все круги ада, и не все из них оставил позади. Но колючий взгляд и язвительный тон остались всё теми же... Ча Мён Хван ощутил, как запылали его щёки. Сделав глубокий вдох, он обернулся в ту сторону, где остался жулик.

«Скорее! Давайте же!»

Бесконечные дни тоски и ожидания внезапно прекратились, но на смену пришёл страх снова упустить то, что наконец оказалось так близко.

Воздух завибрировал от грохота. Ча Мён Хван прищурился, всматриваясь в ночное небо.- Что за чёрт?!

* * *

- Ебаные суки! Перебейте их всех!

В переулке развернулось жестокое побоище. Яба, увидев, что Кан Ги Ха окружён, рванулся вперёд, не оглядываясь. Он подобрал дубинку, которую всё ещё сжимала чья-то отсечённая кисть. Впереди, как тени, выросли люди Ча Мёна Хвана. Удар – дубинка опустилась на плечо одного из них. Ответный пинок в живот заставил Ябу согнуться. Кто-то попытался встать между ними и призвать к порядку, но в этом аду слова теряли смысл.

Вскоре Кан Ги Ха появился рядом, схватил Ябу за шиворот и начал расчищать путь, стреляя из обрезка. Сквозь безумную толчею они выбрались на открытую площадку. Гангстеры продолжили беспощадно расправляться с группой Ча Мёна Хвана, которая упрямо преследовала их. Яба, всё ещё находясь в захвате Кана Ги Ха, принялся яростно колотить и царапать его руки. Тот, срывающимся голосом, произнёс:

- Думаешь, ты мне нужен только потому что целитель? Если бы!... я давно сдал бы тебя в подвал. А там с тобой развлекался бы этот урод, директор Ча. Я держался сколько мог!

- Держался? Нет – ты ждал повода. Вот и забудь меня, представь, что я умер... что я в подвале.

- Вспоминаю, как вы обманули меня, и думаю, что даже пыток будет мало вам обоим. Другой на твоём месте получил бы от меня пулю в лоб.

- Лучше пуля, чем чип. Рабство страшнее смерти.

Кан Ги Ха начал похотливо лизать губы Ябы, а затем принялся тереться о него бедром, забыв о

проходящем вокруг. Его изуродованные подручные торопливо отвели глаза.

Яба достал из кармана осколок стекла. Крепко сжав, он ткнул им в глаз скорпиона, свернувшегося на шее босса. Язык Ги Ха выскользнул изо рта. Он вывернул Ябе руку и занёс над лицом кулак. Яба поднял на него воспалённые глаза.

И он, и Кокаин уже давно поняли правду: настоящий виновник оставался безнаказанным, и всё что они делали друг другу – лишь проявление слабости перед более сильным противником.

Рука, готовая нанести удар, изменила направление и аккуратно стёрла кровь, стекающую по шее:

- Ебать, это было опасно, – процедил он. – Приведите сюда этого недоноска Кокаина.

- Да.

Шестеро бандитов остались на месте, а двое других исчезли в переулке. Кан Ги Ха аккуратно обернул камень носовым платком и втокнул Ябе в рот. Накрыл его губы синим шарфом и завязал на затылке. Камень больно вдавился в язык.

- Молчание – золото, – сказал он, глядя на передавленные щёки. – Золото... оно ведь не кричит, согласен?

Ещё одна неудача Ябы. В первый раз он целился в хозяйство босса и промахнулся. Вторая попытка только что провалилась. Теперь Яба умолял судьбу даровать ему третий шанс. Бандиты подхватили его и перетащили на пустырь. Один из них побежал к припаркованной вдали машине. Дёрнув дверцу, он открыл проход в жерло преисподней. Яба вырывался как мог, камень во рту лишал возможности даже прикусить язык.

«Ту-ду-ду-ду!»

Грохот расколол небо, из-за нахлынувших воздушных потоков, казалось, что земля уходит из-под ног. Ключки бумаги и ветки закружились вихрем, песок оцарапал щёки. Луч света вырвался из прожектора вертолёт.

Бандиты запаниковали от внезапного появления с неба и бросили Ябу на землю. Вертолёт, снизившись почти вертикально, низко завис. Едва не зацепив винтом деревья и электропровода, он сделал широкий разворот. Сухие листья резлетелись в стороны. За слепящим пятном, виднелась фигура человека. Его присутствие поглощало все краски вокруг, оставляя лишь серую пустоту. Только один человек мог обладать такой энергией. Ча И Сок, встав одной ногой на полоз шасси и подавшись вперед, всматривался вниз. Взгляд, точный как лазер снайпера, нашёл свою цель.

- И...

Скомканная ткань во рту не давала прокричать его имя. Яба не ожидал, что И Сок придёт. Ведь директора ждали дела и поважнее. Вдобавок, он - не дурак, чтобы лезть в такую западню.

Сердце рвалось из груди.

Кан Ги Ха толкнул Ябу своим бандитам, и того поволокли прочь. Его одежда задралась и несколько раз в пылу беспорядочной борьбы он получил по лицу.

Ротор вертолётá продолжал мерно вращаться приближая его к земле. Когда машина зависла в воздухе Ча И Сок запрыгнул на верёвочную лестницу. Едва его ноги коснулись земли, он стремительно зашагал вперед. Его взгляд был полон накопленной ярости, готовой рвануть, как разжатая пружина.

Кан Ги Ха оскалился и бросился навстречу. Два метеора, несущие смерть, сошлись в огненном столкновении. Прямой удар - в нос Ги Ха, апперкот - в челюсть Ча И Сока. Их фигуры синхронно отшатнулись.

Не давая Ча И Соку передышки, босс засыпал его ударами в корпус. Тот согнулся, давась кашлем. Ги Ха целенаправленно бил в те места, куда ранил Им Су.

Ча И Сок сделал шаг назад, а потом вогнал колено в солнечное сплетение Кана Ги Ха. На заднюю часть шеи босса обрушилось жёсткое предплечье. Ботинок директора Ча придавил к земле забинтованную руку. Прозвучал выстрел: подошву босса пробила пуля. Он завопил и подтянул к себе упавшее ружьё. Но в тот же миг в его затылок ткнулось дуло пистолета.

- Верни. - услышал он из-за спины.

И Сок метнул взгляд в ту сторону, куда увели Ябу. Ствол пистолета сильнее вдавился в темя Кана Ги Ха.

- Верни.

Головорезы обступили Ча И Сока. Лицо их шефа исказилось в ухмылке.

- Один пришёл? Ты явно перебрал наркоты. Сейчас у тебя нет повода подавать голос.

Ча И Сок приподнял уголки губ. Когда вертолёт приблизился на допустимое расстояние, вооруженные люди спустились по тросам. Они быстро обезвредили бандитов, удерживающих Ябу. Остальные занимались боссом: скрутили ему руки за спиной и вытащили из ружья патроны. Кан Ги Ха стиснул зубы.

Яба почувствовал облегчение, кляп убрали, руки освободили. Глаза Ча И Сока пылали. Взгляды сошлись в безмолвном диалоге. В эту минуту оба молчали о том, что ни один не смог бы произнести вслух. Измождённое лицо Ча И Сока ясно давало понять, как он провёл последние дни. Да и вид Ябы был не лучше. В ушах гудело. С появлением главного врага, букашки мгновенно попрятались.

Яба сделал шаг назад, затем побежал к нему. Ча И Сок тоже не стал ждать и бросился навстречу. Он притянул Ябу к себе и крепко обнял.

- Х-м-м...

Он глубоко вздохнул. Уткнувшись носом под ухо Ябы, он жадно втягивал его запах. Как зверь, нашедший свою мать, фыркал, принюхивался, а потом прикусил кожу. Яба обхватил его за шею и потёрся о неё щекой. Сильные объятия окутали его. Долго подавляемые чувства вдруг прорвались наружу, и глаза его запекло от слёз. Пальцы зарылись в его волосах, мощное биение сердца Ча И Сока, отзывалось в груди Ябы. Их обоих словно лихорадило. Ябу бросало в жар. Наконец между прижавшимися друг к другу телами появилось немного пространства. Он быстро оглядел юношу, снял пальто и набросил ему на плечи.

- Отстань, я не мёрзну. - отреагировал Яба.

- ... Сказал человек с синими губами.

Ча И Сок завернул его в пальто как рулет. Пальцы скользнули по лицу. Взгляд вдруг оживился.

- Подожди здесь.

- Ждать? Чего? - взволнованно переспросил Яба.

- Всего пять минут.

Кан Ги Ха, со связанными руками, не сводил горящих от злости глаз с директора Ча. Тот невозмутимо встал перед его людьми. Шум вертолётá заглушал их разговор.

- Надо же, и цемент тебя не берёт! Живучий как пиявка.

Кан Ги Ха яростно дёрнулся, но верёвки лишь глубже впились в кожу.

- Божечки, какая драма.

Ча И Сок погладил босса по щеке костяшками пальцев. Затем шагнул мимо него и повернулся

к Им Су. Тот сплюнул кровь, но держался дерзко. Эти глаза невозможно не узнать. Выпрямившись, Ча И Сок протянул руку к одному из своих спутников.

- Дай-ка мне нож.

Получив нож, Ча И Сок тут же ударил им в живот Им Су. Два раза. Точно в те места, где остались шрамы у него самого. Густая кровь стекала по клинку, ещё хранившему тепло тела.

- Хватит! Сучье отродье. - взревел Ги Ха.

Стальное лезвие прижалось к горлу босса. Под ним пульсировала сонная артерия. Один неловкий вздох и хлынет кровь.

- По дороге сюда я всё гадал, чем же ты заслужил власть над Ябой. Нафантазировал столько, что хотелось придушить вас обоих. Но без него мне самому крышка.

Ча И Сок резко схватил босса за член.

- Видимо, твоему члену нет покоя из-за моей кошки. Заново своё хозяйство нарастил?

Ча И Сок ударил босса в пах окровавленным ножом, затем выдернул его и тут же вонзил в живот. Ги Ха пошатнулся, но собрав силы, напряг ноги и устоял. Его взгляд налился ненавистью:

- Ах да... Ведь хозяин клуба - ты... Откуда же такой праведный взгляд? Ну и мерзость.

Ги Ха громко закашлялся и продолжил:

- Да, я не сообщал про кастрацию детей, но оставим это... - Всё вокруг поплыло. - Раз уж ты - настоящий владелец...

Десять лет назад, незадолго до открытия клуба, Ги Ха ломал голову над способами контролировать разрушительную силу Кокаина. Не придумав решения, он обратился к агенту собственника. Но, при этом, не упоминал о смертельных случаях.

Однажды от агента пришёл ответ. Он предложил переделать навигационный чип во взрывное устройство и вставить в голову. Шокирующе бесчеловечно, но гениально.

Тяжело дыша, Ги Ха поднял глаза:

- ... Тогда, идея вставить в голову микрочип?..

Бровь Ча И Сока дёрнулась вверх. Кан Ги Ха выдавил сквозь зубы:

- .. принадлежит тебе.

Металлический вой винтов накрыл пустырь. Ча И Сок вцепился в воротник Ги Ха, чья голова откинулась назад.

- О чём ты? - ухмылка исчезла с лица директора Ча.

Его взгляд лихорадочно сновал по лицу напротив.

- Что ты несёшь?

Ча И Сок выглядел потрясённым. Как будто и правда ни при чём. Теперь это не имело значения. Ги Ха с наслаждением наблюдал, как перекоилось самодовольное лицо директора Ча.

Босс злобно рассмеялся.

- Не мне тебе объяснять. Хочешь деталей - пообщайся со своим помощником.

Ги Ха обнажил окровавленные зубы. Каждое его слово было подобно удару.

- Понял наконец? Мы повязаны, «владелец» хренов.

Лицо директора Ча застыло. Ги Ха сходил с ума от любопытства - какотреагирует Яба, узнай он правду. Но сил кричать так, чтобы тот услышал, уже не осталось.

От порывов ветра перехватывало дыхание. Колени Ябы дрожали. Он не мог отвести взгляд от кровавого месива между ног Кан Ги Ха. Неужели теперь он тоже вкусил эту горечь? Он твердил о преимуществах кастратов: экономия на бритвах, безопасный секс. Наконец познал боль тех, чья жизнь есть стыд. Но вид изувеченного Кана Ги Ха не вызывал жалости. Только оцепенение.

Ча И Сок стоял без движения очень долго. Его широкая спина покачивалась, словно ветер его толкал. Наконец он медленно повернулся. Он приближался сквозь пыльный ветер. Яба взрогнул. На лице директора читалось желание свернуть кому-то шею. Но Яба не решился спросить, о чём он говорил с Ги Ха. Вертолёт покружил и стал снижаться. Сброшенная верёвочная лестница извивалась из стороны в сторону. Ча И Сок подтолкнул к ней Ябу первым.

Едва он поставил ногу на перекладину..

- Я не помню.

Яба обернулся на голос. Свет сверху падал на лицо Ча И Сока. Он сжал зубы так сильно, что на челюсти проступили сухожилия.

- Как я мог забыть, что говорил.

Речь директора Ча казалась бессвязной, но отчего-то у Ябы возникло желание погладить его по голове. В ушах гудело от рёва двигателя, а кости ломило от холода.

- С каждым бывает. То кастрюлю на плите забудешь, то какую-нибудь купленную ерунду годами не распаковываешь.

Глаза Ча И Сока переполняли эмоции.

- Ерунду?..

Он открыл рот, словно собирался что-то сказать, но потом резко отвернулся.

- Хватайся крепче. В таком положении нам нужно продержаться до посадочной площадки.

- А сколько до неё лететь? Эти тросы не порвутся? Если порвутся, успею меня поймать.

Как только они приземлятся, следовало осмотреть раны Ча И Сока. Яба повернулся к нему спиной и ухватился за тросы лестницы. Ча И Сок встал на две перекладины ниже Ябы. Вертолёт сразу взмыл к небу. Тревоги Ябы, которые сковывали его всё это время, начали отпускать.

Заброшенный район полнился стонами раненых мужчин. Кан Ги Ха привалился к бетонной стене, прерывисто дыша. Его голова бессильно повисла, и разглядеть лицо было невозможно. Его бандиты рыдали перед ним, но люди Ча И Сока продолжали их избивать, не обращая на босса внимания.

Удалось ли фанатику увести своё божество?

«Пусть возведёт ему где-нибудь храмик и поклоняется до конца дней».

Преисподня оставалась позади. Скоро эти лачуги уничтожат, а на их месте вырастут новые дома. Ужасы людских страданий и пороков исчезали. Ночью мир мог притворяться чистым,

скрадывая темнотой свои гнойные раны.

«Быстрее, быстрее...» – сердце торопилось, но скорость, с которой вертолёт нёс их над улицами, была не такой высокой. Земля то приближалась то отдалялась. Когда они оказались от неё всего в метре Яба заметил что-то светлое. Кокаин. Он смотрел в их сторону. Возле него лежал человек, с содранным скальпом: один из людей Ча И Сока. Ещё недавно он был жив и здоров.

- Что там такое?.. – Яба повернул голову, чтобы сказать Ча И Соку, и в этот момент тросы натянулись и корпус вертолёта накренился. В тот же миг из плеча Ча И Сока прорвалось остриё лезвия. Оно достало до подбородка Ябы, царапнуло и скрылось в мышце, когда чья-то рука за спиной директора выдернула оружие его из-под его лопатки.

- Не смейте его забирать. Или убью вас...

Даже сквозь рокот винта слова прозвучали отчётливо. Позади Ча И Сока тёмной громадой возник Се Джун. В его бешеных зрачках была боль и ничего больше.

Кровь с разведённых лезвий капнула на щёку Ябы. Слова застряли в горле.

Вертолёт задевая лопастями линии электропередач и ветки, снова пошёл на подъём. Его корпус качнулся и три сплетённых в схватке тела рухнули вниз. Яба ударился спиной о кусок бетона, отчего не мог сделать вдох. Не успел он опомниться, как чья-то рука вцепилась в него и потянула в сторону.

- Ты ренен? Где-нибудь болит? Теперь всё будет хороошо.

Лезвия покрытые кровью и тёмными волокнами, дрогнули перед глазами.

Бах. Бах.

Одновременно со звуком выстрелов, Се Джун скрючился, зажав руку. Ябу приподняли и потащили прочь. Вокруг всё кружилось. Ча И Сок потянулся, чтобы ухватить конец лестницы. Лезвия, раскрывшись словно веер, снова вонзились в плоть. Ча И Сок покачнулся, и наклонившись вперёд ударил лицо Се Джуна кулаком. Не дав ему прийти в себя, стал бить под рёбра. Лишённый воздуха, Се Джун захрипел и упал на одно колено. Ча И Сок шатаясь, снова поднял Ябу и подтолкнул к лестнице.

- Залезай.

Яба схватил его за руку.

- Давай, сначала ты.

- Хватит болтать, залезай.

- Я должен быть позади тебя. Мне он ничего не сдаёт, даже если схватит... Ай...

Его руку жёстко выкрутили. Гневный взгляд устремился прямо на него.

- Хочешь, чтобы я дал ему тебя забрать? Ты бредишь. Забирайся молча и жди.

Ча И Сок рывком поставил его на перекладину. Ухо Ябы обдало горячим дыханием.

- Послушные мотыльки живут дольше.

В тот же миг лезвие вонзилось в спину Ча И Сока. От удара он выронил пистолет. Чжан Се Джун, словно бешеный зверь, бил его своим оружием, разрывая мышцы. Ча И Сок с хриплым стоном дёрнул трос, и лестница стала подниматься. Без колебаний он разжал руки и снова оказался на заражённой земле. Яба потянулся к нему но схватил лишь воздух.

- Не уходи. - закричал Се Джун, продолжая расправляться с Ча И Соком. - Раньше ведь у тебя был только я... А у меня - только ты... У этого человека глаза страшные, как у змеи... В нашем доме я спрятал подарок. Пойдём со мной.

- Ты всегда выбирал не меня, а Кокаина. Вот и вали к нему.

Тот, в чьей преданности он был уверен, разрушил это доверие в один миг. А тот, от кого он не ждал помощи, обходил его ожидания снова и снова. Поэтому в своём выборе Яба нисколько не сомневался. словно отгложнув назойливую детскую ручонку, цепляющуюся за штанину, Яба дёрнулся и крепче сжал тросы.

- Не уходи! Пожалуйста... - рыдающий голос слился с шумом ротора. Горло сжалось. Вертолёт набрал высоту и завис. Се Джун не отводил от него глаз.

Заметив, что садовник отвлёкся, Ча И Сок подобрал пистолет. В тот же момент перед ним возникли ноги обутые в кроссовки. Он медленно поднял голову. Спокойный взгляд Се Джун был устремлён на него.

- Благодаря Че У я научился писать имя Се Джина... Смог стать садовником... нашёл Се Джина.. поэтому...

Его вера исключала любые сомнения и вопросы, что присуще всем фанатикам, защищающим

своего кумира.

Садовник бессвязно бормотал. Раньше И Соку казалось, что того внешне отличала от кошки мягкость и безобидность. Однако сегодня он понял, как ошибался. Садовник свёл чёрные рукояти секатора. По его лицу текли слёзы.

- Нет ничего лучше сезона обрезки*... Мёртвые ветви должны уйти, чтобы выросли живые... Сегодня я срежу гнильё Се Джина...

*П.П.: Сезон обрезки - период с конца зимы до начала весны, когда растения находятся в состоянии покоя, и не началось сокодвижение. Конец зимы - время событий главы.

Каждый взмах руки, сжимающей секатор, был полон слепой ярости. Ча И Сок направил на него пистолет, но безумные атаки не оставляли шанса прицелиться. Холодная сталь, вонзаясь в тело, скоро стала горячей, добавив новую боль к уже воспалённому плечу. Ещё немного и Ча И Сок уже не сможет подняться. Даже слова Кана Ги Ха отошли на задний план.

Садовник восстановил равновесие и снова занёс оружие. Растопыренные лезвия впились в бедро. Одно из них прорвало пах, едва не задев гениталии. Рука выдернула острья, срывая кожу и мышцы. Кровавые брызги отметили траекторию движения.

Бах. Бах.

Ча И Сок спустил курок. Из плеча садовника потекла кровь, он застонал:

- Я вас просил не уводить его... Он мой...

Лезвия секатора засверкали в воздухе с безумной скоростью, оставляя на одежде и теле рваные следы. Ча И Соку удалось упереться дулом пистолета в лоб противника. Однако тот молниеносно ударил своим оружием сместив направление ствола. Не раздумывая директор Ча открыл шквальный огонь. Но лишь одной пулей отстрелил ухо, остальные ушли в землю и в кусты.

Чувственные изгибы серебристого металла, и чёткие чёрные линии огнестрельного оружия. Два зверя разных подвидов сцепились друг с другом.

Клац.

Рукояти разошлись и стальная клешня впилась в руку, сжимающую пистолет. Но Ча И Сок скорее лишится человеческого облика, чем отдаст свою кошку другому. Пусть зубы посыпятся, а челюсти треснут - он их лишь крепче сомкнёт и проглотит жертву вместе с костями. Ча И Сок слизнул с губ кровь. Металлический привкус будоражил до самых внутренностей.

- Я даю ему конфеты два раза в день.

Зрачки Се Джуна вспыхнули.

- Он принимает их за таблетки и мне хочется сожрать его живьём. А как же я возбуждаюсь, когда он сидит и ждёт пока еда остынет, потому что боится обжечься. Стоит мне лизнуть его сосок, как он мурлыкает и сжимается будто целует меня изнутри. Невыносимо плотно и влажно, каждый раз теряю голову.

На лбу садовника вздулась вена. Двойное жало снова вонзилось в кожу змея и рассекло плоть до самой кости. Его голова откинулась на ослабленной шее. Пистолет перевернувшись в воздухе с глухим стуком упал на землю.

- Есть шанс, что ты это запомнишь?

Глаза Се Джуна покраснели и налились слёзами. Свободной рукой Ча И Сок хватил садовника за запястье, выкрутил до хруста и передалвил сухожилия. Лезвия дрогнули и рукояти разжались.

- За кошкой пришёл? С одной-то извилиной в голове, как ты думал укротить такую злюку?

Слёзы падали с ресниц Се Джуна крупными каплями. Ча И Сок говорил медленно, растягивая каждое слово.

- Она принимает только от меня. Еду, ласку или сперму.

Садовник широко размахнулся и устремил двойное остриё вперёд. Ча И Сок его перехватил. Лезвия лязгая неумолимо двигались к горлу. На коже появился надрез. В воздухе растворялось кровавое дыхание. Садовник резко надавил и вогнал своё оружие глубже в шею.

Возможно от крови, её вида и запаха, садовника охватывало животное бешенство. Ча И Сок взирал на него глазами Прометея, без страха, но с полным пониманием, что этот орёл будет рвать его плоть снова и снова. Хищную птицу не остановить, когда она уже накинулась на добычу. Пока не вмешается другая сила.

Свободной рукой Ча И Сок нащупал в кармане шариковую ручку. Сверкнув золотом она резко вошла в висок садовника. Тот взвыл, судорожно схватил застрявший в голове предмет, но вырвать его не успел - цепляясь друг за друга, оба рухнули на ступени. Лезвия секатора выскользнули из плоти, открыв багровый срез мышц.

Оставляя на камне кровавый шлейф, соперники кубарем скатились вниз.

Яба задрал голову и нервно задёргал канат верёвочной лестницы.

- Приземляйся! Скорее!

- Нельзя, иначе уже не взлетим! – склонившись, прокричал пилот.

- Тогда спустись насколько возможно, или я так спрыгну.

- Нет. Поднимайся сейчас же!

Яба проигнорировал протянутую руку пилота и стал спускаться, перебирая ногами деревянные брусья. Повиснув на самом краю, он посмотрел вниз. До земли оставалось добрых десять метров. Высота разительно отличалась от того, что чувствуешь на земле.

Рядом с ним Яба обретал себя. Хотя бы и в этой вонючей дыре, стоило ощутить его присутствие, как в тело вновь вернулась жизнь.

Прикусив губу, он разжал пальцы. Точно так же Ча И Сок без колебаний шагнул за ним в адский котёл.

От удара о землю сдавило грудь и Ябе показалось, что он сломал позвоночник.

Обрывки одежды, срезанная кожа – настолько страшное зрелище пошатнуло бы самую крепкую психику.

Се Джун с торчащей из головы ручкой был воплощением ночного кошмара. Он смотрел в одну точку и тяжело дышал. Одного взгляда на него достаточно, чтобы безумие начало растекаться по мозгу как чёрная клякса.

Яба бросился к Ча И Соку. У того на шее зияли глубокие раны. Запястье, ободранное до кости, казалось, вот-вот отсоединится при малейшем движении. Потоками лилась кровь, не давая определить основной источник. Яба прижал пальцы к шее так сильно, что они побелели.

«Получилось тогда, получится и сейчас...»

- Потерпи... – прохрипел Яба, – потерпи немного.

Он прижал губы к ране на шее как можно плотнее, и пропел обилующий обертонами вокализ. Из всех сил Яба напрягал диафрагму, пытаясь расширить действие звука и охватить тело Ча И Сока целиком. К середине второго подхода края ран стали понемногу стягиваться. Всё существо сосредоточилось на цели «спасти», поэтому он пропустил тревожный сигнал: рядом

был кто-то ещё. Внезапное зрачки Ча И Сока пришли в движение и он резко оттолкнул Ябу, схватив за плечо. Яба вернулся к действительности.

Бах.

В тот же миг на плече Ча И Сока появилось отверстие. Последовали выстрелы один за другим. Кровь заструилась из груди и бедра. Последняя пуля задела руку Ябы и ушла в камни. Он обернулся на эхо стрельбы и запах пороха.

Там стоял Кокаин. Он пошатывался и в исступлении нажимал на курок серебристого пистолета, который издавал лишь щелчки. Его лицо было мокрым от слёз.

- Я ещё не сошёл с ума, чтобы пользоваться ядом...

Яба перевернул Ча И Сока и прижал к себе. Прерывистое дыхание рассеялось по его щеке. Раненая рука не болела. Веки директора Ча тяжело поднимались и опускались. Послышался голос прозрачный как роса:

- На вертолёте... тебя заберут туда, где ждёт кое-кто. Он отведёт тебя в твой новый дом...

Ча И Сока сотрясала сильная дрожь, зубы стучали без остановки.

- Пойдём туда вместе...

«Мы выберемся отсюда и пойдём туда вместе».

- Я..., просто потерпи. Я..

«...вылечу тебя».

Яба всхлипнул, не договорив. Стараясь собраться с мыслями, он запел. Ча И Сок положил окровавленную ладонь ему на грудь, проскользил к подбородку, за ухо и проник пальцами в волосы на затылке. Он нащупал место ещё не совсем зажившего шва от операции и осторожно его погладил.

В его взгляде оставалась растерянность. А может, это были глаза грешника перед исповедью.

- Не шевелись.

Нет... Слишком много крови.

Яба опустил руку И Сока и снова запел.. Мелодия рвалась сквозь рыдания, царапая горло изнутри. Тёмная лужа вокруг расплзлась всё шире. Этот красный цвет вызывал животный ужас. Яба вкладывал всю свою душу, чтобы петь как можно мягче и не причинить Ча И Соку новой боли.

Но что-то было не так. Хоть он пел до кровавых разрывов в горле, раны не заживали.

«Но ведь только что у него получалось, так почему теперь...»

В висках запульсировало. Яба резко схватил Кокаина за плечо и усадил возле Ча И Сока.

- Спой скорее! Ты же недавно его вылечил. Давай же!

Сейчас Яба отдал бы Ча И Сока кому угодно - лишь бы тот остался жив. Ведь голос Кокаина творил чудеса, и если он сможет всё исправить...Тогда, возможно, Яба забудет про эти выстрелы.

Кокаин склонился, его губы дрожали:

- Прекрати... от его сердца почти ничего не осталось...

Каждое слово врезалось в грудь Ябы пуская трещины, как брошенный камень.

- ..он мёртв.

«Это чушь собачья! Я только что с ним разговаривал. Тело тёплое!»

Яба обвил руками шею Ча И Сока и прямо ему в ухо выплеснул арию на высоких тонах. Рев вертолёта поглощал звуки. Кокаин истерично рассмеялся.

- Пой пока лёгкие на взорвутся! Думаешь, вернёшь его? Знаешь, что твой голос делает с людьми? Они теряют рассудок. Ты хуже цианида! О каком лечении тут говорить?

Яба уже не отличал страх от ненависти. В этот момент ни Кокаин ни он сам не соображали, что творят, поэтому от них не было толку.

«Сейчас надо на вертолёт и в больницу. Если продержишься, я готов хоть каждую ночь оставаться наедине с бледным человеком и не вспоминать про свои яйца».

Запрокинув голову он замахал рукой.

Лопасть задела провода. Второй пилот подал знак, сложив руки крестом.

Надо было дойти до места, где свисала лестница. Яба приподнял Ча И Сока и потащил. Его ноги, волочащиеся по земле вызывали такую панику, что стало трудно дышать. Тяжёлый торс перевесил и оба повалились на бок. Но Яба быстро поднялся и, снова обхватив тело мужчины, продолжил путь.

В свете прожектора поле зрение прояснилось и Яба мог разглядеть всё, как следует. Распоротый кадык и тёмное углубление в груди. Из этой щели выпирали рваные мышцы. Те самые губы, что не давали покоя, теперь замерли. В голове стоял звон, словно, черви, точившие мозг, были металлическими. Возможно, потому что он давно не принимал таблетки. Иллюзии, которые он всегда сдерживал антидепрессантами, вторглись в его мир, окрашивая в кошмарные тона.

- И Сок...

Ответа не было.

- И-и Сок...

Непонятно откуда на его лицо закапали слёзы, а он даже не моргнул. Зрачки, раньше сгорающие от страсти, сейчас зияли как два замёрзших колодца. Яба тихо обнял проклятого принца и погладил по слипшимся от крови волосам.

Что такое «голос» для Сирены? Гордость, за которую она готова умереть. Кан Ги Ха сделал из него инструмент власти. Кокаин всё разрушил, когда его уверенность пошатнулась. А Яба, вечный враг сам себе, так и блуждал, не находя ответы на свои вопросы. Единственный, кто принимал его без всяких условий, только что ушёл навсегда.

Яба задыхался от горя, ощущая себя той ящерицей, которая корчилась под ржавым ножом живодёров. Тело распадалось на части. Его ногти срывали, глазные яблоки протыкали прутьями, лили в уши свинец, срезали кожу лентами. Всё это чувствовал Ча И Сок когда его сердце остановилось. Он был опорой мира Ябы, и она рухнула. Его погибший мир накрыло мёртвое безветрие.

Яба уставился на свои залитые кровью руки. Он провёл языком между пальцев слизывая тёмные сгустки.

Хлюп. Хлюп.

В темноте эти звуки слышались особенно отчетливо. Кровь забурлила. Притуплённое раньше чувство голода проснулось. Яба не мог ему сопротивляться... Он склонился и собрал языком кровь со щеки Ча И Сока. Затем припал губами к краям раны на шее и вылизал кровь внутри

неё.

Вкусно. Вкусно... Настолько, что голова идёт кругом. Нет, труп не может иметь такой вкус. Это тело трепещущее, с бьющимся сердцем и горячей кровью в венах. Чудовищный голод вытеснил даже боль. Глаза закатились в экстазе.

Чёрный пустырь, словно преисподня, кормился стонами десятков раненых людей. Они хрипели и кашляли. Кто-то уже не двигался. В отдалении мужчина судорожно ловил последние глотки воздуха. Из его разорванного паха несло кровью, тягучей как сироп. Слюнные железы сжались от предвкушения: сколько же здесь лакомства. Этот терпкий вкус гемоглобина и аромат свежих ран... Яба облизнулся. Он открыл рот, растягивая гортань до предела, из горла вырвался звук.

«А-а-а... А-а-а-а...»

Над пустырём поплыла пространная и призрачная мелодия. Кокаин резко поднялся. Он услышал звуки арфы, они обтекали борта корабля и успокаивали шторм. Вязкий голос сковывал движения охватывая тело от лодыжек до затылка. Взгляды устремились в едином направлении.

Яба сидел в луже крови, качая на руках безжизненное тело Ча И Сока, и напевал. Его губы то непристойно сокращались в тугое кольцо, то влажно расслаблялись, будто ласкали невидимый фаллос.

Пропитанный кровью свитер отяжелел и сполз, обнажив плечо, ослепительно белое, почти сияющее в полумраке. Чернильная прядь волос Ча И Сока, прилипнув у самого соска, создавала шокирующий контраст. Песня скользила по ушным раковинам, поглаживала шею, дышала в пах нежным шёпотом. Это была не песня, а настоящая любовная прелюдия. Страстные пунцовые волны пронизывали воздух.

И тогда, они начали подниматься – мужчины, лежавшие меж бетонных блоков и фанерных листов, вставали один за другим.

С ножами в животах и разбитыми головами они брели в темноте. Мужчина с открытыми переломами двигался, неестественно выкручивая суставы. Полуживой Кан Ги Ха открыл мутные глаза и попытался подползти к Ябе. Вся толпа мужчин монотонно потянулась к источнику звука. Их напряжённые половые органы топорщились под одеждой, а глаза горели желанием.

Ядовитый дурман запутывал мысли и наполнял мышцы неестественной тяжестью. Кокаин, ощутив тошноту, тряхнул головой чтобы вернуть ей ясность. Се Джун, покрытый кровью, с трудом поднялся на ноги. В его расслабленном взгляде не осталось ни проблеска мыслей – влечение полностью овладело им.

- Брат Се Джун, нет!

Кокаин вцепился в него и запел ему в ухо. Его голос срывался и фальшивил. У него оставался только Се Джун. Тот, кто хранил преданность не взирая на обстоятельства. Поэтому он пел отчаянно. Однако тот рванул прочь ползком. Кокаин схватил его за штанину. Ширинка брюк трещала под давлением набухших гениталий.

Это был зов сирены, предвещающий гибель морякам. Если не заткнуть уши воском и не привязать себя к мачте, то станешь их пищей.

Кокаин сжал в руке камень и со всей силы обрушил на тыльную сторону ладони Се Джуна.

- Очнись!

Вокруг Ябы собралось около двадцати человек. Среди них был и Кан Ги Ха.

«А-а-а-а...»

Мистические переливы продолжали растекаться вокруг, как потоки воды заполняя трещины города. Окружающие были в трансе. Их тела покачивались под звуки мелодии. Казалось, достаточно одного вздоха Ябы, и они бросились бы вперед, срывая с себя одежду. У некоторых между ног уже виднелись мокрые пятна на ткани.

Мрачное мычание, похожее на гул камертона набирало громкость и когда достигло своего апогея... Взмыло вверх сразу на несколько октав в сверхзвуковой регистр, чтобы завершиться резким металлическим визгом.

«Зи-и-ги-ги-ги-ги-и-и-и...»

Это был не человеческий голос. Это было трение метала о металл, которое перемалывало попавшую под эти жернова живую плоть в органическую массу. Внеземной плач, собравший всю печаль вселенной.

Звук ворвался в головы, взбалтывая содержимое. Мужчины, минуту назад пребывавшие в экстазе, ползали по земле с пеной у рта, как бешеные псы. Кто-то раздирал кожу на своей шее, кто-то бился головой о камни. Давление голоса нарастало.

Головы людей начали трескаться. Обезглавленные тела вздувались и выпускали кровь со слизью. Внутренности выбрасывались, а кости крошились. Отрывающиеся яички разлетались во все стороны. Один, ещё один, следующий...

Крик морского демона прокатился над головами, неся с собой гибель. Яба опустил веки и

слизнул с губ красные брызги. Язык плавно изогнулся и скрылся во рту. Песнь крови не ведала запретов. Единый голос словно расщеплялся на хрустальный фальцет и визг металла.

«А-а-а-а-а... А-а-а-а...

«Зи-ги-ги-ги-ги-и-и-и....

Желчь подступила к горлу. Животный ужас заставлял дрожать каждую клетку. Нечто из другого мира прошло по сознанию, отсеивая всё человеческое. Даже когда рядом стоящий человек разрывался на части, остальные – лишь блаженно ухмылялись, будто им это нравится.

Лицо Ги Ха приобрело синюшный оттенок, ногти сломанные под корень продолжали скрести каменистую почву. С последним хрипом его теменные кости раскололись, дав выход мозгу.

Мышечные волокна натягивались и лопались. Се Джун дёргался, схватившись за голову. Чья-то рука упала ему под ноги. На ободранном пальце сверкало кольцо с синим камнем. Кокаин хотел подползти к ней, но разросшаяся звуковая волна откинула его назад. Он откатился кувырком, не успев коснуться кольца. Сжатые челюсти наконец разомкнулись, выпустив рвущий барабанные перепонки вопль.

«А-а-а-а-а-а-а.....»

В нём был только инстинкт самосохранения. Голос рвался из него сам собой, как рефлекс. Его собственный крик вызывал микроскопические кровоизлияния, в груди сдавило. Влажные ключья разлетались по сторонам. Однако тот странный гул поглощал голос Кокаина. Он упал на четвереньки, отхаркивая кровь. Восторжествовала тьма, древняя как само время.

Кокаин открыл глаза и обнаружил себя лежащим ничком на земле. Тело казалось избитым как после пыток, и даже воздух причинял боль. Уши горели. Когда из них потекла жидкость, давление в голове немного уменьшилось.

Мир омертвел. Ни звука. Вокруг виднелись руины домов и строительный мусор, втоптаный в землю. Но тут почва под ногами завибрировала – кто-то бежал. Чужие ботинки, мелькая, вязли в пыли. Человек остановился, его дыхание прервалось судорожным вздохом, а может он закричал...

Яба всё так же сидел на камне. Его губы шевелились, напевая немую песню. Кокаин не слышал, но чувствовал её каждой клеткой. Пальцы, сжимавшие Ча И Сока, побелели. Насытившись, морская хищница отстранённо смотрела в пустоту.

- М-м-м... Баю-бай...

Звуки обтрасывали волны эха. Находясь на их пути Кокаину казалось, что он проходит сквозь

толщи воды, погружаясь всё глубже и глубже.

Это было признание без надежды. Короткий всхлип. Яба пел колыбельную, но не для живых, а для умерших...

Рассвет, лишённый всякой жизни, душил тишиной. В этой жуткой синеве Яба не сводил глаз с человека, которого прижимал к себе. Тени под его ресницами напоминали гематомы. Чьи раны были перед глазами? Сложно понять. Всё перепуталось.

Ча И Сок больше не истекал кровью, не делился теплом своего тела. Да и сам Яба был лишь холодным куском плоти. Ощущений не осталось, лишь боль в груди напоминала о том, что он ещё жив. Сознание то ускользало то возвращалось. Раскачиваясь он прижался щекой к холодному лбу. Губы шептали что-то беззвучное.

Когда он готовил для Ябы еду и кормил его, когда успокаивал, поглаживая ему живот - в каждом жесте проступал его собственный неутолённый голод. Тот, что требовал поглотить целое королевство. Оболочка человека с пустотой внутри. Вот почему он тянулся к запаху смерти.

Яба испортил план всей его жизни. Тем не менее, Ча И Сок ограничился, шлёпнув Ябу пять раз по ягодицам. А потом облизал ему пальцы на ногах. Добровольно бросился в помойную яму, в которой обитал Яба.

Грудь сжималась от горя, от чувства потери, которое не ограничивалось словом «боль».

Нужно просто есть и спать, день за днём... И когда-нибудь эта боль забудется.

Так он думал. Это был единственный выход существовать до тех пор, пока желание жить не проснётся.

«Я всё возьму на себя. Время ничего не изменит. Я стану твоим последним вздохом».

Песня разлетелась легко как пепел. Её ноты пересекали реальность и, ударяясь о край мироздания, возвращались перевёрнутыми. Это отражение мелодии, подобное обратному ходу времени, петляло и извивалось. Проникало в остывшие сосуды, разограло кровь и смягчала мёртвую кожу.

Это недоступная глазу величественное возрождение можно было только почувствовать.

Между прижатыми сердцами сгустилось тепло. Этот комок разошёлся по груди и поднялся к горлу. Тело выгнулось. Перед глазами простиралась чернота, словно он находился под водой. Сердце начало сокращаться, Снова хлынула кровь, она была тёплой.

Яба устало улыбнулся...

<http://bllate.org/book/14585/1293838>